

К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ф. И. ШАЛЯПИНА.

Великий певец

Борис Годунов и Мельник, Сусанин и Фарлаф, Мефистофель и Дон-Кихот, Сальери и Дон-Базиллио — когда речь заходит об этих оперных образах, то мы обычно, даже не всегда сознавая это, представляем их себе такими, как они были исполнены великим артистом Федором Ивановичем Шаляпиным. Его интерпретация партий — всегда яркая, образная, отличающаяся острым рисунком. Широкий диапазон артистических возможностей певца позволил ему создавать совершенные образы в произведениях самого разного плана — это не только монументальные драматические, трагедийные, романтические или колоритные бытовые, сатирические образы, воплощенные им на оперной сцене, но и блестящие образцы камерной музыки — романсы, русские народные песни.

Шаляпин — это не только великий певец. Он разносторонне одаренный человек. Пожалуй, мало осталось областей искусства, к которым он не приобщился: он был замечательным артистом, оперным режиссером, снимался в кино, хорошо рисовал, сам создавал грим для своих ролей, до мельчайших подробностей продумывая внешний облик своего героя. Такое «синтетическое» творчество и было основой для создания его замечательных сценических образов.

Сегодня исполняется 90 лет со дня рождения гениального артиста, творчество которого составило целую эпоху в истории мирового оперного искусства. И в эти дни нам особенно приятно вспомнить, что его артистическая карьера начиналась в Тифлисе. Здесь педагог Д. Усатов (в прошлом известный оперный певец) бесплатно обучал пению талантливого самородка. Здесь же, в сезон 1893—94 годов, Шаляпин впервые выступил как профессиональный оперный певец. Отсюда началось его триумфальное шествие по театрам России, а затем и всего мира.

Сегодня мы публикуем главы из книги Ф. И. Шаляпина «Страницы из моей жизни», в которых он рассказывает о начале своей артистической деятельности в Тифлисе.

Ф. ШАЛЯПИН.

Страницы из моей жизни

НА ТОРМОЗНОЙ площадке товарного поезда я добрался до Тифлиса...

Я прочел афишу, которая извещала, что в таком-то саду будет разыгран любительский спектакль. Я пошел в этот сад, встретил у входа в него человека, одетого эксцентрично, как цирковой артист. Он почему-то обратил на меня внимание, стал расспрашивать, кто я, что со мною. Я рассказал. Тогда этот человек, оказавшийся актером Охотиным, увел меня в

отдельную аллею сада и предложил спеть что-нибудь, и, подумав, сказал, что даст мне русский костюм, в котором я буду выступать на открытой сцене сада.

Садик был плохонький, тесный. Публика посещала его неохотно. Но я усердно пел, получая по два рубля за выход, раза два в неделю. Здесь я познакомился со служащими Управления Закавказской дороги и, рассказывая им «за ужином» разные анекдоты, расска-

зал однажды и о моей запутанной жизни. Этот рассказ вызвал общее сочувствие. Мои слушатели, узнав, что я знаком с канцелярской работой, предложили мне подать прошение бухгалтеру дороги. Я подал и был зачислен писцом на жалованье в 30 рублей.

Вскоре я получил письмо от Семенова — Самарского. Он писал, что если я хочу, он мо-

жет устроить меня рублей на сто в Казань, в оперу Перовского, на вторые роли. Можно получить аванс на дорогу. Я вспыхнул великой радостью и тотчас телеграфировал: «Жду аванса», и через некоторое время мне перевели из Казани четвертной билет. В тот же день я отказался от службы.

Но тут случилось нечто неожиданное. Давно уже сослуживцы мои говорили мне, что у меня хороший голос и что мне следовало бы поучиться петь у местного профессора пения Усатова, бывшего артиста Императорских театров. И вот в день отъезда из Тифлиса я вдруг решил:

— Пойду к Усатову! Чем я рискую?

Пошел. Когда меня впустили в квартиру певца, прежде всего под ноги бросилась мне стая мопсов, а за ними явился человек низенького роста, круглый, с закрученными усами опереточного разбойника и досиная бритым лицом.

— Вам что угодно? — не очень ласково спросил он. Я объяснил:

— Ну что ж, давайте покричим!

Он пригласил меня в зал, сел за рояль и заставил меня сделать несколько арпеджий. Голос мой звучал хорошо.

— Так. А не поете ли вы что-нибудь оперное?

Так как я воображал, что у меня баритон, то предложил

спеть арию Валентина. Запел. Но когда, взяв высокую ноту, я стал держать фермат, профессор, перестав играть, пребольно ткнул меня пальцем в бок. Я оборвал ноту. Наступило молчание. Усатов смотрел на клавиши, я на него — и думал, что все это очень плохо. Пауза была мучительна. Наконец, не стерпев, я спросил:

— Что же, можно мне учиться петь?

Усатов взглянул на меня и твердо ответил:

— Должно.

Сразу повеселев, я рассказал ему, что собираюсь ехать в Казань, петь в опере, буду получать там 100 рублей; за пять месяцев получу 500 рублей, сто проживу, а четверста останутся, и с этими деньгами я ворочусь в Тифлис, чтобы учиться петь. Но он сказал мне:

— Бросьте все это! Ничего вы не скопите! Да еще едва ли и заплатят вам! Знаю я эти дела! Оставайтесь здесь и учитесь у меня. Денег за учение я не возьму с вас.

Я был поражен. Впервые видел я такое отношение к человеку. А Усатов говорил:

— Ваш начальник — знакомый мой. Я напишу ему, чтобы он вновь принял вас на службу.

Окрыленный неизведанной радостью, я бросился с письмом Усатова к моему начальнику, но оказалось, что мое место было уже занято. Убитый этим, я снова возвратился к Усатову.

— Ну, что ж, напишу письмо другому! — сказал он и отправил меня к владельцу какой-то аптеки или аптекарского склада, человеку восточного типа. Этот, прочитав письмо, спросил меня, знаю ли я какие-нибудь языки.

— Малороссийский, — сказал я.

— Не годится. А латинский?

— Нет!

— Жаль. Ну, вы будете получать от меня 10 рублей в месяц. Вот вам за два вперед!

— А что нужно делать?

— Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это по 10 рублей в месяц.

Все это было совершенно сказочно. Один человек будет бесплатно учить меня, другой мне же станет платить за это деньги!

Однажды Усатов велел мне разучить арию из «Фенеллы» и романс Бахметьева «Борода, моя бородушка», а когда я разучил эти вещи, он отправил меня знакомиться с кру-

жом любителей музыки, помещавшимся в доме Арцруни, на Грибоедовской улице. В этом кружке устраивались ученические и любительские спектакли, и он существовал независимо от известного «Тифлиского артистического кружка». Я познакомился с любителями и стал аккуратно посещать собрания кружка...

Спустя несколько дней, Усатов объявил мне, что я буду выступать на концертах кружка, а кружок даст мне за это стипендию. Он подарил мне фрак. Но Усатов был маленький и толстый, а я — длинный и худой. По счастью, у меня были приятели портные. Они довольно ловко приспособили фрак к размерам моего скелета.

Наступил день первого моего дебюта в кружке. Я вышел на сцену и запел: «Борода, моя бородушка». Публика засмеялась, хотя и добродушно. Я был уверен, что смеются над фракком, но оказалось — над мной: пел я о бороде очень трогательно, но никаких признаков бороды в ту пору на лице моем не было. Со сцены я казался совершенным мальчишкой. Но когда я покончил с бородой, мне охотно аплодировали...

Усатов приготовил со мной третий акт «Русалки» для спектакля в музыкальном кружке, а, кроме того, серенаду Мефистофеля и трио. Худой и длинный, я был очень смешон в костюме Мефистофеля, но пение публике понравилось. Особенно же велико было ее впечатление, когда я начал петь Мельника. — «Да, стар и шаловлив я стал».

И теперь помню, как жутко тихо стало в зале, когда я спел эту фразу. Мне страшно аплодировали, когда я кончил. Публика даже встала. А на следующий день я прочитал в газете «Кавказ» заметку, в которой автор сравнивал меня со знаменитым Петровым. Заметка была подписана — Карганов. Я знал, что это был офицер-сапер, знаток и любитель музыки. Впоследствии он написал книгу о Бетховене.

Прочитав эту заметку, я с трепетом душевным почувствовал, что со мной случилось что-то невероятное, неожиданное, чего у меня и в мечтах не было. Я, пожалуй, сознавал, что Мельник спел мною хорошо, лучше, чем я когда-либо пел, но все-таки мне казалось, что заметка преувеличивает силу моего дарования. Я был смущен и напуган этой первой печатной хвалой. Я понимал, что многое от меня потребует в будущем...